

УДК 801.54

**КОМПЛЕКСНЫЕ ЕДИНИЦЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В.Г. Фатхутдинова

Аннотация

Статья посвящена одной из актуальных проблем сопоставительной дериватологии – описанию комплексных единиц словообразования разносистемных языков. В исследовании устанавливаются сходства и различия в структурно-семантической и номинативной организации словообразовательного гнезда и образующих его элементов: словообразовательной пары, парадигмы и цепи. При этом особое внимание уделяется выработке единого понятийно-терминологического аппарата и вопросам адекватного описания сопоставляемых языковых феноменов.

Одной из актуальных проблем сопоставительной лингвистики является вопрос о тождестве и различиях основных единиц словообразования для языков различных морфологических типов, а также о воспроизводимости и повторяемости особого типа отношений, характерных для того или иного множества производных слов естественного языка. Анализ способов классификации производной лексики разноструктурных языков может стать источником более четких представлений о внутренней организации деривационных подсистем и словообразовательной системы в целом.

В настоящей статье нами поставлена задача обрисовать круг проблем, связанных с сопоставительным освещением комплексных единиц словообразования как особых форм систематизации производной лексики русского и татарского языков. Это прежде всего вопросы типологической характеристики сравниваемых языков, методологии сопоставительного исследования их словообразовательных систем, а также номенклатуры и межъязыковой релевантности самих комплексных единиц словообразования.

Лингвистическая типология определяет русский язык как флективно-синтетический, а татарский как язык агглютинативно-аналитического строя. В рамках нашего исследования нет необходимости подробно рассматривать специфику морфологической структуры слова в славянских и тюркских языках, поскольку в современном языкознании в этой области уже накоплен большой материал, в частности, установлены определенные критерии в механизме действия синтетических, аналитических, фузионных и агглютинативных тенденций [1]. Ограничимся лишь несколькими замечаниями. Так, среди тюркологов высказывались различные мнения относительно морфологической структуры

слова и происхождения аффиксальных морфем: «Можно с полным основанием утверждать <...>, что большинство тюркских формо- и словообразующих аффиксов обязано своим происхождением не превращению лексической единицы в аффиксальные морфемы, а фузии, т. е. прочному слиянию (сплавлению) двух или нескольких однофонемных <...> морфем в единое сложное целое» [2, с. 116], ср. точку зрения Н.А. Баскакова, согласно которой тюркские языки определяются как языки, сохранившие в относительно полной степени агглютинативный строй, а элементы слова, аффиксы, – как результат грамматикализации самостоятельных слов: «господствующее положение в современных тюркских языках занимают аффиксальные синтетические формы, хотя наряду с ними многие грамматические значения выражены аналитическими формами, а также сочетанием знаменательных слов со служебными словами» [3, с. 70].

Большой интерес для характеристики морфологической структуры русского и тюркских языков представляет точка зрения Г.П. Мельникова. По его мнению, внутренней детерминантой агглютинативных языков является тенденция к такому способу выражения содержания, при котором словоформы в предложении являются коллекционными, т. е. актуально набираются из морфем и поэтому допускают экономное использование служебных элементов в словоформе. Отсюда и такие параметры строя языка, как устойчивость, однотипность и простота используемой языковой техники, его регулярность и «правильность». «Важной особенностью русского языка как типично флективного, – считает ученый, – является то, что парадигму любой лексемы нужно знать заранее, знать, существует или не существует словоформа данной лексемы в таком-то падеже, числе и т. д.». Следовательно, «словоформы русских лексем в предложении не создаются, а избираются из числа изготовленных и социально принятых; поэтому русская словоформа – это единица селекционная», а не коллекционная [4, с. 338–342].

Не подлежит сомнению, что ярко выраженные контрасты в деривационных структурах русского и татарского языков (специфика способов словообразования, словообразовательных моделей и инвентаря словообразовательных средств) обусловлены прежде всего их различиями в структурно-типологической организации. Однако еще в 1888 году А.А. Потебня в своем знаменитом труде «Из записок по русской грамматике» писал: «И разрушение, и рождение форм, равно как и вещественных значений, ближайшим образом зависит не от наклонностей внешних органов слова, а от известной потребности мысли» [5, с. 57]. Именно «потребности мысли», т. е. языковое сознание народа, определяют специфику средств обозначения одних и тех же денотатов в разных языках, ментальное содержание номинативных единиц и национальное своеобразие их семантической структуры. В этой связи сопоставительный анализ комплексных единиц словообразования как совокупностей номинативных единиц является способом углубленного познания объектов словообразовательной детерминации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры. Он позволяет выявить сходства и различия в средствах объективации одного и того же мыслительного содержания, в том числе и зависимость внутриязыковых семантических процессов от системно-структурных особенностей сравниваемых языков.

В то же время не следует забывать, что основные результаты изучения словообразовательной системы русского языка были получены в рамках аналитического системно-структурного направления, поэтому в нашем исследовании системный подход к изучению комплексных единиц словообразования является в равной мере основополагающим.

По словам основоположника Казанской лингвистической школы И.А. Бодуэна де Куртенэ, сравнению подлежат как родственные, так и неродственные языки, вне зависимости от исторических связей между ними. «Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу исторически и географически. <...> Подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических обобщений» [6, с. 371]. Поэтому сравнительное исследование комплексных единиц словообразования русского и татарского языков предполагает в первую очередь использование сопоставительно-типологического метода в его системно-функциональной реализации. Метод системно-функционального сопоставления языков безотносительно к их генетической и типологической принадлежности использует для сравнения не случайные, произвольно выбранные признаки, а релевантные закономерности системы, он открывает «широкие возможности для углубленного познания внутриязыковых явлений и межъязыковых связей, для дальнейшей эволюции сравнительно-типологического изучения языков» [7, с. 31].

В исследованиях деривационных подсистем должен широко применяться перспективный словообразовательный анализ, с помощью которого выявляется словообразовательная структура производных слов и формальные связи внутри словообразовательных пар, парадигм, цепей и гнезд. При определении семантической структуры комплексных единиц словообразования и логико-семантической структуры производного слова необходимо использовать метод компонентного и функционально-семантического анализа, который проводится как на лексическом, так и словообразовательном уровнях. В качестве одного из инструментов сопоставительного анализа может быть актуализирован и когнитивный подход, позволяющий понять, «почему окружающая человека действительность осмыслена именно так, а не иначе» [8, с. 14]. Таким образом, применение названных методов и подходов позволяет установить сходства и различия в структурно-семантической и номинативной организации комплексных единиц словообразования русского и татарского языков.

Проблемы идентификации и номенклатуры комплексных единиц словообразования, их онтологических и классификационных свойств неоднократно становились предметом исследования в русской дериватологии. Однако до сих пор среди ученых нет единого мнения о том, какие единицы словообразования следует считать комплексными и каковы критерии их выделения. Следует отметить, что даже сам термин «комплексные единицы словообразования» уже вызывает вопрос: почему, собственно, данные языковые структуры не называются сложными, как, например, понятия простого и сложного предложения, сложного или сложносокращенного слова и т. д., ведь они по логике вещей должны быть противопоставлены простым, элементарным единицам словообразовательной системы.

В самом общем виде под комплексными единицами словообразования понимаются различные объединения производных слов на основе корневой или формантной общности. Однако ни в «Русской грамматике» [9], где систематизация производных слов осуществлялась на основе словообразовательных типов при помощи лексико-грамматического критерия, ни во вступительной части «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [13], где излагаются основные понятия русского словообразования и теоретические принципы построения гнездового словаря, термин «комплексные единицы словообразования» не употребляется.

Следует подчеркнуть, что до сих пор в дериватологии отсутствует единое и терминологически закрепленное определение данного понятия, что свидетельствует о нерешенности многих вопросов, касающихся статуса и классификации исследуемых структур. Проблема комплексных единиц словообразования как универсальных деривационных подсистем естественного языка еще не получила своего фундаментального описания, и в лингвистической литературе отсутствуют специальные исследования, посвященные всестороннему межъязыковому анализу данных образований. Поэтому нам представляется необходимым рассмотреть разные точки зрения на эту проблему и обосновать такую номенклатуру данных единиц, которая была бы релевантной и для их межъязыкового исследования.

С точки зрения Е.А. Земской, к комплексным единицам словообразования следует отнести словообразовательную пару, словообразовательную парадигму, словообразовательную цепь, словообразовательное гнездо, словообразовательный тип и словообразовательную категорию, поскольку в пределах этих единиц формируются разного рода противопоставления производных и производящих основ и отношения направленности от единицы более простой к единице более сложной [11, с. 30].

В широкий научный оборот понятие комплексных единиц словообразования было введено А.Н. Тихоновым. Им впервые был составлен библиографический указатель литературы по комплексным единицам системы русского словообразования [12, с. 447–459]. По его мнению, наряду со словообразовательным типом, гнездом, цепью, парадигмой и категорией, к такого рода единицам следует относить и словообразовательный ряд, под которым понимается конечное множество словообразовательных структур, характеризующихся тождеством последнего деривационного шага, например: *беление, сушение, чернение, золочение, огрубление, ослабление, омоложение, выкачивание, проветривание, обслуживание* и т. п. Однако следует заметить, что, активно внедряя термин «комплексные единицы словообразования» в отечественную дериватологию, в своих учебных пособиях по современному русскому языку автор не использует этого понятия; данное обстоятельство связано, скорее всего, с нерешенностью многих вопросов, касающихся статуса и классификации этих единиц.

В интерпретации В.Г. Головина комплексными единицами являются словообразовательное гнездо и его составляющие: пара, парадигма и цепочка. Причем этот ряд он дополняет новым понятием, вводит новую комплексную единицу – словообразовательную ветвь, которая, по его мнению, образуется цепочками, имеющими в своем составе члены одной парадигмы. «Как состоя-

шая из цепочек, словообразовательная ветвь имеет синтагматическое измерение, как состоящая из словообразовательных парадигм, она имеет парадигматическое измерение, и, таким образом, взаимодействие словообразовательной синтагматики и парадигматики происходит уже на уровне словообразовательной ветви» [13, с. 214].

Определяя комплексные единицы словообразования в целом, О.И. Дашенко и А.Д. Зверев отмечают, что они представляют собой совокупности производных, объединенных общностью мотиваторной или формантной части: «они обладают вполне отчетливыми формально-семантическими признаками, отличающими их как от простых единиц (производных), так и от более сложных образований – разного рода микросистем (совокупности отглагольных, отсубстантивных и др. производных)» [14, с. 52]. Авторы подчеркивают, что выделение комплексных единиц словообразования связано с утверждением двух подходов в описании языковых единиц: синтагматики и парадигматики, причем в одних единицах превалируют синтагматические отношения (в цепочках), в других парадигматические (в словообразовательных парадигмах); перекрещивание синтагматических и парадигматических связей слов происходит в узлах пересечения словообразовательных цепочек и парадигм. Производному слову как простой единице системы словообразования в определенной мере также присущи черты комплексности: оно членится на части (морфемы) и включает в себе «пучок разных значений» – грамматических, лексических, словообразовательных. В отличие от словообразовательного типа, абстрактной схемы построения производных, комплексные единицы словообразования – это «единицы конкретно-речевого уровня, реализуемые в языковой системе рядом конкретных языковых структур». Таким образом, по их мнению, в число комплексных могут быть отнесены единицы, выступающие в качестве реально выделяемых составных частей словообразовательной системы, то есть конкретно наблюдаемые в языке конструкции, и это прежде всего объединения производных с разными формантами и идентичными мотиваторами: словообразовательная пара, цепочка, парадигма, гнездо. В этой связи, на наш взгляд, представляется непоследовательным со стороны авторов включать в разряд комплексных единиц словообразования словообразовательный тип и словообразовательный ряд (под последним ими понимается ряд однотипно построенных слов с одним и тем же формантом и лексически разными мотиваторами, например: *строитель, читатель, наблюдатель, хранитель, проситель*) только на том основании, что данные структуры могут преобразовываться в совокупность словообразовательных пар: *строить – строитель, читать – читатель* и т. д.

По мере изучения комплексных единиц словообразования ученые вновь и вновь обращаются к попыткам построения их всеобъемлющей типологии. Наряду с простыми единицами – формантами, производящими основами и производными словами, И.А. Цыбова выделяет и комплексные, причем последние делятся, по ее мнению, на два больших класса: конкретные и обобщенные. К конкретным относятся словообразовательная пара, цепочка, парадигма (конкретная словообразовательная парадигма отождествляется автором со словообразовательным рядом, что противоречит общепринятым в дериватологии опре-

делениям и терминам) и словообразовательное гнездо. К обобщенным относятся словообразовательный тип, словообразовательная модель, словообразовательная категория, обобщенные (типовые) словообразовательные парадигмы и цепочки, а также обобщенный словообразовательный набор – комбинация словообразовательных парадигм и цепочек [15, с. 194–200]. Таким образом, с увеличением числа комплексных единиц словообразования критерии их идентификации, по нашему мнению, становятся более размытыми и возникает проблема с обоснованием роли и места данных структур в словообразовательной системе в целом.

С нашей точки зрения, две подсистемы словообразования образуют разные по своим онтологическим свойствам комплексные единицы – на основе корневой или формантной общности, каждая из которых позволяет наиболее полно охарактеризовать специфику языковых отношений внутри системы, а также способы объединения и классификации производных слов. Комплексный характер исследуемых единиц определяется, с одной стороны, их четкой внутрисистемной организацией, с другой стороны, наличием достаточно широких внешних связей (парадигматических и синтагматических отношений) с другими единицами и структурами. Для сопоставительного исследования разносистемных языков наиболее актуальным нам представляется анализ комплексных единиц словообразования первого типа, то есть совокупностей производных слов на основе корневой общности, а именно словообразовательного гнезда и образующих его элементов – словообразовательных пар, парадигм и цепочек. Такой подход позволяет проследить деривационное развитие тождественной в семантическом отношении корневой морфемы и на ее фоне выявить специфику и универсальность словообразовательных процессов разных языков. В целом под комплексными единицами словообразования следует понимать системно организованные единства однокоренных или одноформантных слов различной иерархической сложности. Они представляют собой особые формы внутрисистемной организации производной лексики, в рамках которых происходит взаимная детерминация дериватов. Перейдем к их сопоставительному анализу.

Как известно, **словообразовательную пару** составляют производящее и производное, например: *братъ – забрать*, *дом – домик*, *белый – белеть*, т. е. два однокоренных слова, находящиеся в отношениях словообразовательной мотивации. Наиболее важным отличительным признаком словообразовательной пары как основной единицы словообразовательного уровня языка является наличие в ней отношений мотивации, связывающих две лексические единицы в единое целое. Данный признак наглядно отражает сам процесс деривации, его наличие или отсутствие и позволяет использовать словообразовательную пару в качестве операционной единицы сопоставительного словообразования.

Выявляя системно-словообразовательные характеристики двух языков, мы так или иначе обращаем внимание на эквивалентность производных и производящих слов, т. е. мотивационных отношений коррелятивных словообразовательных пар, в результате чего выясняется, что направление производности для каждого из языков является весьма специфическим понятием. Направление производности в словообразовательных парах русского и татарского языков

может совпадать, например: *гордый* → *гордость*: *горур* → *горурлык*; *игра* → *игривый*: *уен* → *уенчак*, или не совпадать: *страдать* → *страдание*: *кайгыру* ← *кайгы*; *свобода* → *свободный*: *азатлык* ← *азат*. Кроме того, нами зафиксированы русско-татарские соответствия, когда в одном из языков отношения производности просто отсутствуют: *идти* → *прийти*: *бару* – *кил*□; *знать* → *обознать*: *куу* – *узу*; *свет* → *светлый*: *ут* – *якты*. В этом случае для русского языка при образовании нового слова предпочтительным является использование мотивировочного признака, выраженного в производящей основе, в татарском же аналогичный процесс номинации осуществляется за счет других языковых средств.

Словообразовательная цепь – это ряд однокоренных слов, находящихся в отношениях последовательной производности: *радость* → *радостный* → *безрадостный* → *безрадостно*. Для сопоставительной лингвистики при исследовании этой разновидности комплексных единиц словообразования представляется важным доказать, что последовательная производность является универсальным свойством словообразовательной системы естественного языка. Анализ языкового материала показал, что существующая в русском словообразовании типология словообразовательных цепей релевантна и для татарского языка. Например, для обоих языков характерны отсубстантивные, отглагольные, отадъективные и другие подобного плана словообразовательные цепи: *влага* → *влажный* → *влажность*: *дым* → *дымлы* → *дымлык*; *писать* → *писатель* → *писательство*: *язу* → *язучы* → *язучылык*; *точный* → *точность* → *неточность*: *т□г□л* → *т□г□ллек* → *т□г□ллезлек*; *свой* → *своенравный* → *своенравие*: *□з* → *□з□зле* → *□з□злек*. В то же время сопоставительный аспект изучения данных единиц предполагает и выявление фактов асимметрии в их структурно-семантической организации: *быть* (булу) → *бывать* (булгау) → *бывалый* (дөнъя күргән, букв.: видевший мир) → *небывалый* (әлегәче булмаган, искиткеч, букв.: удивительный); *пустой* (буш) → *пустырь* (ташландык жир, букв.: брошенная земля) → *пустырник* (төнгеш печән). Таким образом, структурно-семантическая асимметрия словообразовательных цепей и образующих ее производных слов свидетельствует о специфическом характере процессов категоризации и номинации окружающей действительности.

Словообразовательная парадигма представляет собой совокупность производных, имеющих одну и ту же производящую основу и находящихся на одной и той же ступени деривации. Несмотря на то, что в дериватологии разработана четкая типология словообразовательных парадигм разного уровня абстракции, при их описании не учитывается такой важный признак, как ступень деривации. Как известно, в словообразовательном гнезде на первой ступени деривации от непроемного исходного слова образуется одна-единственная парадигма с наибольшим количеством производных. Так, в словообразовательном гнезде с исходным прилагательным *пустой* на первом деривационном шаге образуется словообразовательная парадигма, включающая в свой состав 58 производных: *пустое* (сущ.), *пусто*, *пустоватый*, *пустота*, *пустяк*, *пустышка*, *пустырь*, *пустошь*, *пустыня*, *впустую*, *попусту*, *пустеть*, *пустовать* и др. На второй, третьей или четвертой ступенях деривации количество парадигм увеличивается, некоторые производные образуют свои собственные парадиг-

мы, однако их количественный состав уменьшается, поскольку в качестве базового слова таких парадигм выступают уже производные лексемы, словообразовательный потенциал которых неизмеримо меньше, чем потенциал примарных слов. Например, от производного *пустыня* образуются следующие дериваты: *пустынник*, *пустынный*, *полупустыня*. Глагол *пустеть* является производящей базой для двух производных: *запустеть* и *опустеть*. Они в свою очередь образуют другие словообразовательные парадигмы: *запустеть* → *запустение*, *запустелый* и т. д.

В татарском языке от прилагательного *буш* (пустой) образуется следующая парадигма: *бушлай* (даром, бесплатно, безвозмездно); *бушка* (попусту, впустую, напрасно; даром, бесплатно, очень дешево); *бушлык* (пустота, пробел); *бушаю* (ослабить, освободить – о предметах, сделаться свободным, разноситься – об обуви); *бушаган*, *бушайган* (свободный, ослабленный); *бушату* (разгрузить, опорожнить, букв.: сделать пустым). От этих слов другие дериваты не образуется, поэтому в данном случае можно говорить, что словообразовательная парадигма фактически равна словообразовательному гнезду, а ее лексическая направленность резко отличается от соответствующих русских парадигм.

Сравнение словообразовательных парадигм разных частей речи и разных семантических групп русского и татарского языков позволяет выявить сходства и различия в словопорождающих способностях тех или иных классов лексических единиц. В результате такого исследования выявляется специфический набор деривационных значений и «семантических мест», формирующих состав словообразовательных парадигм разного типа.

Под **словообразовательным гнездом** понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня [10, с. 36], например, существительное *белка* образует следующее словообразовательное гнездо: *белоч-ка*, *бельч-онок*, *белоч-ник*, *бельч-ат/ник*, *бел-ич/ий*, *белк-ова-ть*. В дериватологии словообразовательное гнездо, наряду со словообразовательным типом, признано в качестве основной системообразующей единицей словообразовательного уровня языка. Если словообразовательные типы выступают как формантные общности и общим элементом для всех производных слов того или иного словообразовательного типа является формант, то для другого объединения производных слов – словообразовательных гнезд – на первый план выступает корневая общность. Бинарное строение производного слова, по словам И.А. Ширшова, формирует два направления в изучении словообразования: аффиксальное и корневое (гнездовое); «при корневом подходе аспект производного слова меняется: на первое место выдвигается проблема словопорождающих возможностей именно этого корня» [16, с. 5].

Сопоставляя соотносительные словообразовательные гнезда родственных языков, можно предположить, что их слова-вершины, характеризующиеся высокой степенью эквивалентности, формируют близкие в структурном и семантическом отношении словообразовательные гнезда, в то время как в отношении неродственных (иноструктурных) языков такое соответствие представляется нам весьма относительным, поскольку различия в инвентаре словообразовательных средств влияет на способы выражения и объем словообразовательных значений.

Само собой разумеется, в первую очередь должны сопоставляться только те словообразовательные гнезда, исходные слова которых в обоих языках являются непроизводными и семантически эквивалентными. Однако при этом за рамками сопоставительного анализа остаются все случаи асимметрии на уровне исходного слова: так, в русском языке от слова *голод* образуются производные *голодный, голодно, голодать, впроголодь* и др., составляющие его словообразовательное гнездо. В татарском языке соотносительное словообразовательное гнездо образуется от непроизводного слова-вершины *ач* (голодный), а само слово *ачлык* (голод) в татарском языке является уже производным, образованным при помощи суффикса *-лык*, и входит в состав словообразовательного гнезда наравне с другими однокоренными словами: *ачлай* (будучи голодным), *ачлы-туклы* (впроголодь), *ач-ялангач* (бедняк, нищий), *ач-ялангачлык* (испытывать голод и нищету). Эти пары слов *голод* → *голодный* и *ач* → *ачлык* находятся в отношениях обратной производности. Таким образом, структурно-семантическая асимметрия словообразовательных гнезд русского и татарского языков выявляется уже на уровне их вершин.

Результаты сопоставительного анализа соотносительных словообразовательных гнезд русского и татарского языков свидетельствуют о том, что исследуемые образования обладают весьма специфической структурно-семантической организацией. Так, русское словообразовательное гнездо с исходным словом *ум* включает в себя 207 дериватов, в то время как в соответствующее татарское словообразовательное гнездо с исходным словом *акыл* (ум, разум, рассудок, интеллект) входят только 7 производных: *акыллы* (умный, разумный, благоразумный, толковый, мудрый); *акыллылану* (становиться благоразумным, рассудительным, образумиться); *акыллылык* (рассудительность, сообразительность, смышленость); *акылсыз* (глупый, неумный); *акылсызлану* (глупеть, терять рассудок); *акылсызлык* (безумие, глупость, безрассудство, неразумность). В семантической структуре русского словообразовательного гнезда можно выделить отдельные смысловые зоны, при этом образующие их дериваты переводятся на татарский язык или при помощи словосочетаний, или словами других семантических сфер, например: *вразумить* – *акылга йртыт*; *образумить* – *акылга керт*; *надоумить* – *йртыт*; *умствовать* – *акыл сату*; *умалишенный* – *юлр*, *акылдан язган*; *полоумный* – *юлр*; *остроумный* – *ткен сзле*; *умозаключение* – *йомгак*, *ннти* и др. В целом следует подчеркнуть, что семантические границы словообразовательных гнезд разноструктурных языков, как правило, не совпадают, что свидетельствует о специфике деривационных отношений при языковой репрезентации одних и тех же предметов и явлений.

Приведенные нами факты симметрии и асимметрии в области структурных компонентов словообразовательного гнезда – словообразовательных пар, цепочек и парадигм – позволяют утверждать, что и для русского, и для татарского языка комплексные единицы словообразования – это прежде всего универсальные системно организованные единства, для описания которых используются идентичные параметры. Выявленная структурно-семантическая эквивалентность исследуемых единиц свидетельствует об их лингвистической релевантности с точки зрения сопоставительного анализа. Общность в репрезентации системных явлений позволяет констатировать сопоставимость словообразова-

тельных гнезд и его конститuentов, несмотря на различную типологическую принадлежность сравниваемых языков.

Не менее важным и перспективным представляется нам сопоставительное изучение комплексных единиц словообразования, выделяемых на основе общности словообразовательных средств, к которым, как уже говорилось, относятся словообразовательный тип и словообразовательная категория.

Словообразовательный тип – это схема построения слов определенной части речи, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся: а) общностью части речи непосредственно мотивирующих слов и б) формантом, тождественным в материальном и семантическом отношении. То общее значение, которое отличает все мотивированные слова данного типа от их мотивирующих, является словообразовательным значением слов этого типа; носителем словообразовательного значения является формант; так, к одному словообразовательному типу относятся глаголы *прыгнуть*, *свистнуть*, *толкнуть* и т. д. [9, с. 135]. В русском и татарском языках можно встретить производные, образованные по одной словообразовательной модели и выражающие одно и то же словообразовательное значение, например: *мешать* – *мешалка* (*болгату* – *болгаткыч*), *тереть* – *терка* (*кыру* – *кыргыч*), *везть* – *везляка* (□илг□р□ – □илг□ргеч). Перечисленные пары слов относятся к одному словообразовательному типу и выражают значение предметности (являются названиями орудий труда по совершаемым человеком действиям). Однако многие словообразовательные значения, а следовательно, и словообразовательные типы не находят столь последовательного выражения в татарском языке. К ним следует отнести модификационные словообразовательные значения, в частности женскости: *портной* (*тег□че*) – *портниха* (*тег□че хатын*); субъективной оценки: *дом* (*йорт*) – *домик* (*кечкен□йорт*); незрелости: *волк* (*б□ре*) – *волчонок* (*б□ре баласы*); единичности: *солома* (*салам*) – *соломина* (*салам б□ртеге*) и др.

Словообразовательная категория представляет собой совокупность словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств его выражения [11, с. 30], ср. более общее определение Р.С. Манучаряна: «словообразовательная категория идентифицирует ряды производных слов с разными формантами и способами словообразования на основе общности словообразовательного значения» [17, с. 54], в соответствии с которым выделяются словообразовательные категории имен существительных, прилагательных, глаголов и т. д. Следует подчеркнуть, что словообразовательная категория в трудах многих исследователей получает различное толкование (узкое или широкое) и не является на сегодняшний день терминологически устоявшимся понятием. В широком смысле можно выделить словообразовательные категории отсубстантивных суффиксальных существительных, прилагательных, глаголов, наречий; отглагольных префиксальных глаголов, отглагольных постфиксальных глаголов и т. д. Сравнительное исследование словообразовательных категорий русского и татарского языков невозможно, на наш взгляд, без предварительного описания «отчастеречной» деривации и способов словообразования. Например, отсутствие префиксального и конфиксального способов словопроизводства в татарском языке определя-

ет специфику функционирования соответствующих словообразовательных категорий.

Подводя итоги, следует сказать, что сопоставительный анализ комплексных единиц словообразования разноструктурных языков должен быть направлен, безусловно, на установление тождества и различия между соответствующими языковыми фактами. Однако именно различия (частичные или полные) отражают специфику функционирования словообразовательных систем этих языков: сравнительная характеристика словообразовательных средств углубляет наши представления об их морфологической структуре, а сопоставительный анализ словообразовательных и лексических значений имеет непосредственный выход в теорию номинации и языковую концептуализацию мира.

Summary

V.G. Fatkhutdinova. Complex units of word-formation in comparative aspect (on the basis of Russian and Tatar).

The article is devoted to one of the essential problem of comparative word-formation – description of complex word-formation units in the languages of different systems. In the research similarities and peculiarities of structural, semantic and nominative organizations of word-formation nest and the elements, which form it: word-formation pair, paradigm and chain. Special attention is paid to creation of unique denotative-terminological apparatus and adequate description of linguistic phenomena.

Литература

1. Широкова А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика и морфология). – М.: Добросвет, 2000. – 200 с.
2. Кононов А.Н. О фузии в тюркских языках // Структура и история тюркских языков. – М.: Наука, 1971. – С. 108–120.
3. Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). – М.: Наука, 1979. – 274 с.
4. Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели / Под ред. Л.Г. Зубковой. – М.: Наука, 2003. – 395 с.
5. Потеня А.А. Из записок по русской грамматике. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.
6. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
7. Нецименко Г.П. О некоторых аспектах сопоставительного изучения славянского словообразования // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. – М.: Изд-во Моск. унта, 1983. – С. 30–51.
8. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
9. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 783 с.
10. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985.

11. *Земская Е.А.* О комплексных единицах системы синхронного словообразования // Актуальные вопросы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент, 1978. – С. 29–35.
12. *Тихонов А.Н.* Комплексные единицы системы русского словообразования: библиографический указатель литературы // Актуальные вопросы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент, 1982. – С. 447–459.
13. *Головин В.Г.* Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент, 1985. – С. 213–216.
14. *Дащенко О.И., Зверев А.Д.* О соотношении комплексных единиц словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования: матер. науч. конф. – Ташкент: Укитувчи, 1985. – С. 47–53.
15. *Цыбова И.А.* О соотношении комплексных единиц словообразования // Деривационные типы и гнезда в синхронии и диахронии. – Владивосток: Изд-во ДВО АН СССР, 1989. – С. 193–202.
16. *Ширишов И.А.* Теоретические проблемы гнездования. – М.: Прометей, 1999. – 236 с.
17. *Манучарян Р.С.* Аспекты и вопросы сопоставительного изучения словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 53–58.

Поступила в редакцию
04.04.06

Фатхутдинова Венера Габдулхаковна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы в межнациональном общении Казанского государственного университета.